

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
508
F5

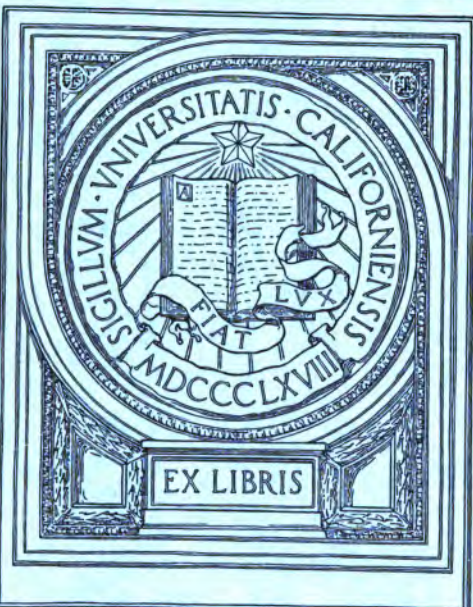
UC-NRLF

8 4 570 701

YD 19476

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·

EX LIBRIS

Prof. Kulikov
on a book

Prof. I. P. Fil'evich
ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

Ugorskaia Rus'
УГОРСКАЯ РУСЬ

I svyazannye s neiu voprosy i zadachi russkoi
и связанные съ нею вопросы и задачи русской
istoricheskoi nauki
исторической науки.

пamяти
ПАМЯТИ

Iuriiā Venielina
ЮРІЯ ВЕНЕЛИНА.

Varshava
ВАРШАВА.

ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОБРУГА.

Королевский ул. № 13.

—
1894.

MILUXGY LIBRARY

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

NOV 5 1935

ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

УГОРСКАЯ РУСЬ

И СВЯЗАННЫЕ СЪ НЕЮ ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ РУССКОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.

ПАМЯТИ

ЮРИЯ ВЕНЕЛИНА.

UNIV OF
CALIFORNIA

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Королевская ул. № 13.

—
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ*.

MILUKOV LIBRARY

УЧЕБНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТРЪ

Отдѣльный оттискъ изъ „Варшав. Универ. Извѣстій“ № V, 1894 г.

DK 508
F5

УГОРСКАЯ РУСЬ

и связанные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки.

Памяти Юрія Венелина ¹⁾.

Угорская Русь занимаетъ сѣверо-восточную часть территории угорскаго королевства. Границы ея составляютъ: на сѣверѣ и востокѣ — политическая граница Угрии съ Галиціей и Буковиной, на западѣ — крайніе отроги лѣсистаго Бескида, на югѣ — горы Сатмарскія и Тиса.

По вычисленію Бидермана, пространство это заключаетъ въ себѣ 340 — 380 кв. австрійскихъ миль. Часть его, непосредственно примыкающая къ Галиціи съ Буковиной (комитаты: Сарошскій, Земпенскій, Унгварскій, Бережско-Угочскій и Марамарошскій), приблизительно 200 кв. миль, занята и въ настоящее время почти сплошнымъ русскимъ населеніемъ. Въ комитатахъ: Спишскомъ, Абауйско-Торнайскомъ, Саболчскомъ и Сатмарскомъ, русское населеніе перемѣшано съ поляками, словаками, мадьярами и румынами.

Показанія о численности угорскихъ русскихъ весьма разнообразны. Большинство прежнихъ склоняется къ цифрѣ 500 ты-

¹⁾ Отрывки настоящей замѣтки были читаны на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ 1893 г., въ 70-лѣтнюю годовщину прибытія Венелина въ Россію.

сячь. Въ 1826 г. угроруссъ Орлай насчитывалъ 800 тыс., въ 70-хъ годахъ по официальнымъ даннымъ показывалось 448 тысячъ; по послѣднимъ переписямъ 1880—90 гг. всего 353226—379782. Впрочемъ по церковнымъ спискамъ (шематизмамъ) и теперь насчитывается 476560—499400 ¹⁾).

Угорская Русь составляетъ окраину русскаго міра, повидимому, вовсе не участвовавшую въ его исторической жизни. — „О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ писалъ въ 1852 г. И. И. Срезневскій ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка подданными князя Кіевскаго Олега и его современника князя Моравскаго Святополка; нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти Мадьяровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. *Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуемъ, что они приняли христіанство не послѣ Мадьяровъ, не черезъ нихъ, а свидѣтельства объ учрежденіи епархій въ Венгріи королемъ Стефаномъ даютъ знать, что Русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и следовательно подчинены были особенной....* Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ Русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отыскиваются только отрывочныя напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ“ ²⁾).

Слова эти до настоящаго времени сохраняютъ свою силу и очень ярко характеризуютъ состояніе вопросовъ, связанныхъ съ угорской Русью. Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки связаны съ за-карпатской частью русскаго міра:

- 1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если

¹⁾ А. Л. Петровъ, Замѣтки по Угорской Руси Ж. М. Пр. 1892, II. Р. Заплинскій, Географія Руси, Львовъ 1887. *Julius Vargha, Die Nationalitäten Ungarns im Jahre 1890, Ungar. Revue, 1893, I.*

²⁾ И. Срезневскій, Русь Угорская, Вѣстн. И. р. геогр. общ. 1852, IV, кн. I.

Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?

2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русскаго племени—великорусской и малорусской не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю Юго-Западную Русь съ одной, и древняго южно-русскаго населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны?

Въ предлагаемомъ наброскѣ будутъ лишь намѣчены главнѣйшія данныя, составляющія содержаніе перваго вопроса. Нѣсколько подробнѣе я останавлиюсь на географической номенклатурѣ Карпатской территоріи и одномъ лѣтописномъ намекѣ, имѣющемъ, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ этому же вопросу

Историческій очеркъ разработки вопроса о русскомъ имени на Карпатахъ весьма кратокъ. Въ 1842 г. Надеждинъ высказалъ мысль, что на Карпатахъ — между прочимъ въ нынѣшней Угорской Руси—слѣдуетъ искать началъ нашей исторической жизни.— „До сихъ поръ, говоритъ Надеждинъ, всѣ изслѣдованія нашихъ историковъ, этнографовъ и археологовъ обращались преимущественно, даже можно сказать исключительно на Русь, заключающуюся въ обширныхъ предѣлахъ Россійскаго государства. И здѣсь еще, особенное, впрочемъ весьма естественное предпочтеніе, оказывалось Руси Сѣверо-Восточной, основательницѣ настоящей славы и величія имени русскаго.

Русь Юго-Западная, коей чистѣйшая и самообразнѣйшая часть уходитъ изъ предѣловъ Россійской Имперіи, простирается за Карпатъ до Дуная, во всю длину его теченія по древней Панноніи,—эта Русь едва удостоивалась мимоходнаго упоминовенія въ предисловіяхъ къ Русскимъ исторіямъ. Доходило даже до того, что сознаніе нашего кровнаго родства и единства съ Юго-Западными нашими соименниками, — сознаніе столь ясное и живое, какъ нпр. во времена Герберштейна, который всѣхъ Руссовъ признавалъ и называлъ равно Руссами—затмѣвалось совершенно въ новѣйшихъ бытописателяхъ и изслѣдователяхъ впрочемъ достойныхъ всякаго уваженія своею ученостью и добросовѣстно-

стью. Причина тому, очевидно, заключалась въ ложномъ предубѣжденіи, распространенномъ Венгерцами, а въ слѣдъ за ними и другими европейскими историками, кои, съ неслыханныхъ словъ безыменнаго нотарія короля Бѣлы, повторяли въ одинъ голосъ, что Руссы Венгерскіе увлечены за Карпаты изъ нашей украинны Мадьярами, которые потомъ бросили ихъ, какъ бесполезную тягость, при порогѣ своего распространенія въ Панноніи. За тѣмъ еще позднѣйшее переселеніе Федора Коріатовича изъ—Подолія въ Мункачъ—считалось второю эпохою, съ которой за-Карпатые наполнилось Руссами. При такихъ предположеніяхъ понятно, что пребываніе нынѣшнихъ Русняковъ въ Венгріи признавалось недостойнымъ занимать мѣсто въ древней исторіи и археологіи народа Русскаго.

Я былъ точно того-же мнѣнія, пока не познакомился лично съ Венгерскими Русняками, съ мѣстностью ихъ настоящихъ жилищъ и окружающихъ странъ, съ преданіями, искони существующими у Карпато-Руссовъ, равно какъ и съ преданіями самыхъ Венгерцевъ и другихъ окрестныхъ народовъ, въ ихъ полнотѣ и чистотѣ, изъ самыхъ источниковъ. Напротивъ того, теперь я убѣдился вполнѣ, неопровержимыми доказательствами, что *русская стихія простиралась на Юю-Западъ, по обѣ стороны Карпата, вплоть до Дуная, задолго до вторженія Мадьяровъ въ Паннонію*; что Мадьяры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ нихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе суть: историческія, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ у насъ едва-ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадьяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются „Русскими“, жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили еще между собою „по русски“, т. е.

Карпато-Русинскимъ, или что то же Малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они, очевидно, отмыты отъ родного материка приливомъ Мадыровъ и Нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого вопіющаго свидѣтельства?

Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я поды моею путешескою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой самородной Русской жизни, на этомъ забытомъ нами пространствѣ Южно-Славянскаго міра. Начало нашей исторіи, происхождение и смыслъ нашей древней лѣтописи, развитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ Отецествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянскаго азыка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, болѣе или менѣе сумрачные, прояснились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о расселеніи Славяно-Руссовъ на Сѣверѣ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого нагляднаго познанія при-Дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнью. Я понимаю даже сказку о Кіи основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженнѣйшихъ читателей древняго лѣтописца считаютъ басней, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ „Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ“, сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ Лѣтописяхъ: эту загадку Сѣинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа. Понимаю образованіе древней нашей Іерархіи, пугающее изслѣдователей своею темнотою и недостовѣрностію; и проч. и проч. ¹⁾).

Черезъ два года появилось обширное изслѣдованіе акад. А. А. Куника о началахъ русской государственности, гдѣ за Карпатскою, въ частности Угорской Русью, не признано въ этомъ отношеніи рѣшительно никакого значенія. Взглядъ Куника состоитъ въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. — Возможно, что

¹⁾ *Н. Надеждинъ*, Записка о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ. Ж. М. Пр. 1842. ч. 34.

Карпаты были прародиной славянъ; возможно, что до нашей эры они жили и въ Панноціи, но невозможно опредѣлить ихъ нарѣчіе и всего менѣе можно допустить, что въ Панноніи жила восточно-славянская вѣтвь. Изъ Галиціи въ VII вѣкѣ вышли Сербы и Хорваты ¹⁾; но даже при близости ихъ языка къ русскому, трудно считать ихъ предковъ людьми русскаго языка. И во времена Владиміра Святого жили здѣсь Хорваты „которыхъ лѣтопись отдѣляетъ отъ господствующаго племени Русскихъ“ ²⁾. Они потомъ совсѣмъ исчезаютъ ³⁾ и возбужденный Норманнами восточно-славянскій міръ занялъ Галицію, истребивъ при этомъ остатки лянскихъ (?) и другихъ (какихъ?) вѣтвей“. — Съ основаніемъ въ XI вѣкѣ въ Галичинѣ владѣній Рюриковичей „musste der Name Русь hier die festesten Wurzeln fassen“ (почему же „festesten“?).

Объ угорскихъ русскихъ ничего опредѣленнаго по источникамъ неизвѣстно, но не слѣдуетъ забывать, „dass diese (т. е. угорскіе русскіе) sich auf keine Stufe staatsbürgerlicher Bildung erhoben haben; sie sind heute noch nicht viel mehr als ein Naturvolk, das keinen Staatsnamen brauchte, wie es auch in seiner Eigenschaft als ein slawischer Volkszweig keine

¹⁾ Это извѣстіе Багрянороднаго давно уже служить камнемъ преткновенія для ученыхъ (*Ж. Я. Гротъ*, Извѣстіе Констант. Багр. о Сербяхъ и Хорватахъ, С.-Пб. 1880.) Что оно ошибочно въ обозначеніи времени, не можетъ быть сомнѣнія. Укажу заслуживающее вниманія мнѣніе Э. Богуславскаго, относящаго выселеніе Хорватовъ къ концу III вѣка, ко временамъ Авреліана и Максиміана, принявшаго имя „Herculius“. Отсюда, по мнѣнію г. Богуславскаго, ошибка Багрянороднаго, смѣнившаго Максиміана-Ираклія съ Иракліемъ VII вѣка.

²⁾ На самомъ дѣлѣ лѣтопись говорить: „и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, и Сѣверь, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвате“. Въ чемъ же выдѣленіе?

³⁾ Совершенно такъ же, какъ исчезаютъ Поляне, Древяне и проч., т. е. исчезаютъ одни названія, замѣняясь другими, въ данномъ случаѣ племенные волостными. Эта смѣна названій, ясно отмѣченная на первыхъ страницахъ лѣтописи, могла практиковаться и прежде. Не ея ли слѣдуетъ объяснять исчезновеніе многихъ названій древней этнографіи, въ чемъ многіе изслѣдователи видятъ исчезновеніе самихъ племенъ.

selbständige Geschichte weder politischer, noch geistiger Art besitzt. Man muss also bei fremden Völkern sich Rath's erholen wie es zu seinem heutigen Namen gekommen ist¹⁾. Правда, употребленіе названія Orosz для русскихъ, словаковъ и мадьяръ, но не Сербовъ и Волоховъ, указываетъ не на южное, а на сѣверное происхождение этого названія, но дѣло въ томъ, что народъ не называетъ свою страну Русью, а Угорщиной. Man sollte doch, weil in Russland Русь und Русинъ sprachlich und politisch ganz eng verbunden waren, wie es in Galizien noch der Fall ist, erwarten, das er die Scholle auf der er geboren ist, Русь nennen würde; allein Русь ist ihm ein fremdes Land das jenseits der Berge liegt, es ist für ihn vorzugsweise Galizien; man kommt zu ihm aus Русь und geht von ihm nach Русь, und nur die slawischen Ethnographen unserer Zeit haben den Ausdruck „Uherska Rus“ in die Schriftsprache eingeführt. Indessen ist es möglich, dass auch schon früher dieser Terminus in der Schriftsprache bestand¹⁾. Вотъ собственно и все сказанное Куникомъ объ Угорской Руси. На основаніи этого Куникъ утверждаетъ, что русское имя за Карпатами имѣетъ не національный, а вѣроисповѣдный смыслъ. Что въ этомъ отношеніи не остались вѣроятно безъ слѣда сношенія съ Галичемъ, затѣмъ Татарскій погромъ и наконецъ время Коріатовина, и въ виду невозможности допустить распространеніе русской вѣтви до Дуная (въ до-мадьярское время) ак. Куникъ рѣшительно отвергаетъ древность топографическихъ названій, связанныхъ съ названіемъ шведскихъ родзовъ. Alle diese ungrischen Vettern und Basen der finnischen Ruotsenstadt in Schweden und der estnischen Rootsendörfer dürfen in Zukunft nicht mehr als ein Argument gegen die Normannität der Waräger - Russen citirt werden, sobald nicht der ganze Nestor mit seinem Verhältniss der Russen zu den Warägern, das Entstehen von Русь aus Ruossi und dessen Entstehen aus einer überseeischen Urform mit triftigen Gründen widerlegt ist. Selbst der Nachweis eines ungrischen

¹⁾ Способъ выраженія во всякомъ случаѣ нѣсколько странный въ устахъ ученаго, напирающаго на Verschrobenheit антинорманистовъ.

schen, im Munde des Volkes lebenden Русь würde Nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte ¹⁾. Для мыслящаго русскаго историка Угорская Русь имѣетъ значеніе, но не въ отношеніи имени, а какъ яркая иллюстрація той первобытной ступени русскаго быта, который заставилъ русскихъ искать наряда у Норманновъ, а благодаря горамъ, довольно живо сохранился и до сихъ поръ ²⁾.

Въ 1859 г. проф. В. И. Ламанскій въ одномъ изъ приложеній къ своему изслѣдованію: „Славяне въ Малой Азій“.... привелъ нѣсколько соображеній въ опроверженіе взгляда акад. Куника ³⁾.

¹⁾ Однако о находящемся около Белза селѣ Русинъ съ недалеко лежащимъ Варенжемъ ак. Куникъ полагаетъ, что оно „vielleicht seine Entstehung den Normannen verdankt“. Въ настоящее время названія на *имъ*, *има* и особенно на *ино* считаются не вполне надежными данными исторической этнографіи, какъ образовавшіяся, по всей вѣроятности, черезъ сокращеніе названій на *иново*, т. е. происшедшія отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ, которыми въ старой Руси оч. часто служили этнографическія названія, нпр.: „Русинъ да Мещеринъ Федоровы дѣти Черемисинова“. А. И. Соболевскій, Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской историч. этнографіи, Жив. Стар., 1893, IV. Дѣло, конечно, не въ этомъ, ибо 50 лѣтъ назадъ на нихъ можно было указывать съ полнымъ правомъ; а въ томъ, что одно - единственное названіе дало основаніе ак. Кунику усмотрѣть вліяніе Норманновъ на Карпатскую территорию, а „больше 30 названій“ отъ корня *рус* не навели почтеннаго академика ни на какія соображенія.

²⁾ *E. Kunik*, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen S.-PTb. 1844—45, Kap. V.

³⁾ Отмѣчу нѣкоторыя: а) слово *Русь* не обличаетъ финнскаго происхожденія ни своею формою, ни своимъ употребленіемъ—въ смыслѣ этнографическомъ, и географическомъ, ни производнымъ отъ него словомъ — русинъ; б) выдержка изъ статьи Срезневскаго (Ж. М. Пр. 1843. II), сдѣланная ак. Куникомъ въ подтвержденіе того, что слово — русскій имѣетъ въ Угорской Руси вѣроисповѣдное, а не народное значеніе, не точна. Срезневскій сказалъ слѣдующее: „Вдучи съ запада на востокъ, по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго хребта, въ Ужгородѣ путешественникъ уже слышитъ южно-русское нарѣчіе, какъ господствующее въ народѣ. *Русиновъ по вѣрѣ (русинами въ королевствѣ*

Въ 1871 г. нѣмецкій ученый R. Rösler въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи *Romänische Studien...* пришелъ къ выводамъ во многомъ согласнымъ съ мнѣніемъ Надеждина, хотя занимающій насъ вопросъ затронуть былъ Рэслеромъ лишь между прочимъ и въ виду этого не былъ имъ подвергнутъ всестороннему обсужденію ¹⁾. Выводы Рэслера встрѣтили нѣкоторое во-

венгерскомъ называютъ всѣхъ уніатовъ и православныхъ безъ различія, точно ли они Русины, или Словаки, или Мадьяры, лишь бы не были Сербы и Волохи) я уже встрѣчалъ въ столицахъ Гѣмбурской, Спишской Шаринской и Землянской, (въ Пряшовской епархіи считается вообще уніатовъ до 180000), но это Русины по вѣрѣ, а по языку, по народности, Словаки. Тутъ же, напротивъ, Русины въ полномъ смыслѣ слова, родные братья Малороссіянъ, однокровныя дѣти Старой Руси по народности и большею частью по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ простираются они въ Галицію и Буковину“ и проч. (Акад. Куникъ выписалъ лишь слова обозначенныя курсивомъ: такимъ образомъ Срезневскій долженъ былъ подтверждать то, о чемъ, конечно, никогда и не думалъ).

в) „Есть основаніе полагать, что русскія поселенія простирались далеко на западъ, что слѣд. съ теченіемъ времени народность русская въ Венгріи не возрастала, а напротивъ того, уменьшалась“. Приводится показаніе Броневскаго, что въ 1810 г. русскіе жили около Мишковца. г) Приводятся историческія указанія: второго Львовскаго списка Паннонскаго житія Кирилла (XVII вѣка), гдѣ Ростиславъ, Святополкъ и Коцель названы князьями русскими; Энѣя Сильвія (XV в.) что Святополку подчинялись и русскіе; Пулкавы (XVI в.) о томъ же. Что Русскіе въ обоихъ этихъ случаяхъ не значатъ — Мораване, это признаетъ и Куникъ; наконецъ, показанія Адама Бременскаго и Виппо (XI в.). Въ заключеніе проф. Ламанскій говоритъ: „съ своей стороны не могу не замѣтить, что пока не будетъ положительно доказано, что Русины появились въ Венгріи въ XIII и XIV стол., а не гораздо раньше, до тѣхъ поръ эта Russia или не должна быть считана за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причтена къ той-же псевдо-Руси“. Славяне въ Малой Азіи С.-Пб. 1859 г. Прил. II.

¹⁾ Между прочимъ о Марамарошѣ Рэслеръ говоритъ: „Die Maramaros ist nur äusserste ciskarpatische Mark eines zusammenhängenden transcarpatischen Besitzes im östlichen Galizien und südlichen Russland... Die maramaroser-Karpaten werden, wo man ihrer zuerst

зраженіе со стороны чешскаго ученаго Томашка въ его рецензіи на книгу Рэслера.

Сопоставляя взгляды обоихъ этихъ ученыхъ, акад. В. Г. Васильевскій замѣчаетъ слѣдующее: „Легко усмотрѣть, что возраженія чешскаго ученаго слабѣе, чѣмъ доказательства нѣмецкаго. Томашекъ опустили изъ виду рядъ словъ чисто-русскихъ и мѣстностей выдающихъ себя и теперь русскими, на которыя указывалъ Рэслеръ, которыя находятся и въ Седмиградіи, и даже въ Валахіи“¹⁾.

Въ 1874 г. проф. А. А. Кочубинскій указывалъ на важность задачъ предстоящихъ русской наукѣ на Карпатахъ²⁾.

Въ 1889 проф. Ѳ. И. Успенскій высказалъ между прочимъ слѣдующее: „И теперь уже можно сказать, что древнѣйшее существованіе русскаго населенія на Дунаѣ перестаетъ быть ученой теоріей или патріотическимъ увлеченіемъ. Извѣстія лѣтописи о русскихъ городахъ дальнихъ и ближнихъ болѣе не должны быть признаваемы за праздный вымыселъ. По нежному накопляется матеріалъ, которымъ невозможно пренебрегать. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы славяно-русская филологія обратила свое вниманіе на тѣ остатки русской рѣчи и русскаго населенія, которые путешественники видѣли въ Трансильваніи еще въ началѣ настоящаго столѣтія“³⁾.

Вотъ, кажется, и весь историческій очеркъ разработки занимающаго насъ вопроса въ нашей наукѣ, если только можно назвать разработкой отрывочныя упоминанія въ приложеніяхъ и при-

gedenkt, Ruthenorum Alpes genannt. Rom. Stud. 319. Далѣе Рэслеръ указываетъ на русскій характеръ географической номенклатуры Молдовлахіи и Трансильваніи, отмѣчая на послѣдней рядъ названій отъ корня: *рус.* Многія изъ этихъ названій встрѣчаются въ документахъ съ половины XII в., слѣд. ихъ нельзя считать позднѣйшими.

1) Византія и Печенѣги, Ж. М. Пр. 1872 г. ч. 164, прил. II.

2) Отчетъ о путешествіи по славянскимъ землямъ, Зап. Новор. Ун., III.

3) Образованіе втораго болгарскаго царства. Одесса. 1879. Прил. V

мѣчанияхъ. Если прибавить сюда нѣсколько отдѣльныхъ замѣтокъ объ Угорской Руси, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ вопросу о ея русскомъ имени¹⁾, то получимъ все что, имѣется въ нашей наукѣ объ Угорской Руси. Все это только отрывки и наброски: ничего не только цѣльнаго, но даже сколько нибудь опредѣленнаго. Въ теченіе полувѣка послѣ Надеждина разработка занимающаго насъ вопроса, собственно говоря, не подвинулась ни на шагъ. Русская мысль боролась съ Норманистами подъ знаменемъ Руси поморской, Роксоланъ, Скиѳовъ и наконецъ Готовъ²⁾. Угорская Русь ни разу не выступала на сцену прямо, но несомнѣнно всегда скрывалась за кулисами, смущая своимъ именемъ спокойствіе всѣхъ названныхъ ученыхъ партій, къ рѣшительнымъ или умѣреннымъ сторонникамъ которыхъ принадлежать у насъ въ настоящее время всѣ представители русской исторической

¹⁾ *И. Срезневскаго* (указаны выше); *Я. Головацкаго*, Карпатская Русь, 1-й томъ „Пѣсень“... М. 1878. и *Ж. М. Пр.* 1875 ч. 179. *А. Добрянскаго*, О западныхъ границахъ подкарпатской Руси, *Ж. М. Пр.* 1880, ч. 208, наконецъ, Анонимная—Голосъ изъ Угорской Руси, Р. Мысль, 1880. III. Другія статьи, которыхъ по журналамъ разбросано довольно, имѣютъ для историка сравнительно малое значеніе. Перечень ихъ см. у *Ө. М. Истомина*, Угро-русскія народныя пѣсни De-Воллана и у *А. Л. Петрова*, Замѣтки. На нѣмецкомъ яз. имѣется извѣстное и дѣйствительно лучшее по систематичности и сравнительной полнотѣ сочиненіе *Бидермана*, но оно не безъ тенденціозности; церковная жизнь пропущена. Дополненіемъ въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить *І. Базилевичъ*, *Brevis notitia foundationis Th. Koriatowits. Cassoviae 1799*; *А. Балудянскій*, Исторія церковная Нов. Завѣта, Вѣна, 1852; *І. Fiedler*, *Beiträge zur Geschichte der Union der Ruthenen in Nord-Ungern u. der Immunität des Clerus derselben, Sitzungsber hist-phils cl.*, 1862, 39. На угорско-русскомъ яз. имѣется сочиненіе свящ. *І. Дулишковича*, Историческія черты Угро-русскихъ, Унгварь, 1874—77 г. По методу оно неудовлетворительно, но сообщаетъ нерѣдко интересныя замѣчания. Слѣдуетъ очень желать, чтобы оставшееся ненапечатаннымъ продолженіе труда покойнаго о. Дулишковича († 1883, Угро-р. „Листокъ“ 1893. № 2) не пропало.

²⁾ Впрочемъ готизмъ можно, кажется, не безъ основанія считать естественнымъ перерожденіемъ норманнизма.

науки. Во взглядахъ на Угорскую Русь ученые до сихъ поръ колеблются между двумя противоположными взглядами: ак. Куника съ одной и Надеждина съ другой стороны. Существенная разница обоихъ взглядовъ заключается не въ научномъ ихъ обоснованіи, а такъ сказать, въ научной обстановкѣ и, пожалуй, въ тонѣ, весьма рѣшительномъ у Норманистовъ, весьма робкомъ у ихъ противниковъ. Упомянутія объ Угорской Руси находятъ, какъ мы видѣли, мѣсто лишь въ примѣчаніяхъ и приложенияхъ. Специальнаго изслѣдованія, посвященнаго вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ нѣтъ, и ученые упоминаютъ объ этомъ только по случаю, попутно. О Норманнскихъ же Родахъ имѣются обширныя спеціальныя изслѣдованія и нѣмецкія, и русскія. Важность этого обстоятельства понятна, и несомнѣнно этимъ обуславливается указанная разница тона: кто не знаетъ Норманновъ? а Карпатская Русь для многихъ и многихъ — загадка. Что касается научной обоснованности взгляда Норманистовъ на Угорскую Русь, то два примѣра было уже указано. Собственно въ этомъ случаѣ только и можно имѣть въ виду ак. Куника: другіе объ Угорской Руси не говорили; но въ сущности слѣдуетъ недоумѣвать, почему ак. Куникъ счелъ нужнымъ распространяться объ Угорской Руси, если по его мнѣнію: *selbst der Nachweis eines ungrischen im Munde des Volkes lebenden Pusch würde Nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte*“ другими словами: если на Карпатахъ и существовала какая-то Русь, то этому все таки не слѣдуетъ вѣрить, ибо не было Руси, кромѣ Родзовъ. Мы здѣсь, очевидно имѣемъ дѣло не съ научнымъ изслѣдованіемъ, а съ предубѣжденіемъ, подъ которое подводятся факты. Иначе нельзя было бы утверждать объ отдельности Хорватовъ отъ другихъ русскихъ племенъ, чему, какъ указано, прямо противорѣчитъ лѣтопись; нельзя было бы говорить, что Угорская Русь есть выдумка писателей нашего времени и тутъ же рядомъ: „впрочемъ названіе это могло употребляться въ письменномъ языкѣ и прежде“; нельзя было бы допускать позднѣйшее передвиженіе русскихъ за Карпаты, когда рядъ фактовъ указывалъ на существованіе тамъ русскаго имени въ отдаленной древности; нельзя было бы хвататься за одно на-

звание и оставлять безъ всякаго вниманія „больше тридцати“ названій; нельзя было бы наконецъ указывать на Угорскую Русь лишь какъ на иллюстрацію быта русскихъ славянъ, заставившаго ихъ искать наряда у Норманновъ. Полная беззаботность на счетъ цѣлаго ряда фактовъ, вопіющихъ о разслѣдованіи, и въ то же время возможность безъ замѣтнаго колебанія сопричислить Илью Муромца къ сонму норманнскихъ героевъ („höchst warscheinlich von Normannen abstammte“, Veruf. II, 105)... да развѣ это наука?

Перехожу къ разсмотрѣнію вопроса. Древнѣйшая исторія Карпатъ связана съ именами бастарновъ, певкиновъ, сидоновъ, атмоновъ, авариновъ, омбронновъ, уругундовъ, арсіетовъ, сабоковъ, пенгитовъ, бессовъ, карповъ, карпіановъ и пр. Послѣдними въ ряду этой массы загадочныхъ именъ являются Хорваты. Но и о нихъ мы имѣемъ весьма смутное представленіе. Такая ли это отдѣльная вѣтвь русскаго племени какъ Поляне, Древяне и пр., или это родовое обозначеніе группы славяно-русскихъ или даже вообще Славянскихъ колѣнъ; загадочные ли это „толковины“ (Линниченко), или это часть тоже впрочемъ довольно неопредѣленная Дульбовъ? Какова была ихъ территория: обширное ли пространство отъ линіи — Кошицы — Кляузенбургъ — Бухарестъ (а можетъ быть и западнѣе) до западнаго Буга и Припети (Барсовъ), или середина Карпатъ отъ линіи — между Краковомъ и Остригономъ на Сѣв.-Зап. до Тисы и Самоша въ Угорщинѣ и Семиградіи и старой границы между Валахіей и Молдавіей на ю.-в. (А. Добрянскій), или наконецъ, сравнительно небольшое пространство нагорной перемышльской области (Ключевскій)? Каковы были отношенія карпатскихъ Хорватовъ къ другимъ русскимъ племенамъ и русскому государству, и были ли какія нибудь отношенія вообще? Все это—вопросы, на которые у насъ нѣтъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Очевидно, названія племенъ связанные съ Карпатами не могутъ служить для изслѣдователя исходной точкой въ его соображеніяхъ о древнѣйшей исторіи Карпатской земли, ибо въ такомъ случаѣ онъ неизбежно долженъ запутаться въ лабиринтъ сложныхъ вопросовъ о германизмѣ и славизмѣ древнѣйшихъ племенъ (бастарны, певкины и проч.), или плутать въ

темномъ лѣсу вопросовъ о древнѣйшихъ славянскихъ племенныхъ взаимоотношеніяхъ — (Сербы, Хорваты).

„Чтобы выбраться изъ этого лабиринта, необходимо держаться крѣпко *за землю*, т. е. не за исторію имени, а болѣе всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена“¹⁾).

Эти слова уважаемаго историка слѣдуетъ понимать такъ, что въ темныхъ вопросахъ древней этнографіи весьма существеннымъ указаніемъ является языкъ земли или ея хоро-и топографическая номенклатура. Она обратила на себя вниманіе уже акад. Куника, затѣмъ Рэслера.

Ак. Куникъ заимствовалъ свои топографическія данныя изъ указателя приложеннаго къ картѣ Угрии и Седмиградіи, изданной Липскимъ въ Пештѣ въ 1808 г. Всѣхъ топографическихъ названій, связанныхъ съ корнемъ *рус* ак. Куникъ насчиталъ „быть можетъ больше 30“.

Рэслеръ указалъ не мало славяно-русскихъ хоро-и топографическихъ названій лишь на территоріи Молдо-валахіи, и соотвѣтственно этому призналъ эту территорію русскою.

Я сведу въ настоящей запискѣ результаты чтенія картъ всей Карпатской дуги со включеніемъ угорской равнины на лѣвомъ берегу Тисы. Я обратился къ картамъ, а не къ указателямъ, такъ какъ на картахъ языкъ земли гораздо яснѣе: бросаются въ глаза не только названія, но и самое ихъ распредѣленіе, что иногда характерно, особенно въ рѣкахъ. — Я не могу ручаться, что я собралъ всѣ названія; несомнѣнно, многія ускользнули отъ моего вниманія, хотя каждый листъ карты я читалъ два раза, подчеркивая хоро-и топографическія названія разноцвѣтными карандашами. — Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что этихъ названій больше, чѣмъ сколько ихъ найдено мною, а никакъ не меньше. Я пользовался Австрійскими картами въ масштабѣ 1 : 300000 (I - P, 5—9). Доставленіемъ этого матерьяла я обязанъ многоуважаемому А. К. Пузыревскому, которому и приношу мою искреннюю благодарность.

¹⁾ .И. Зибльинъ, Исторія русской жизни, 1, 267.

Огромный кряж Карпатъ составляетъ средоточіе славянскихъ горъ: „Онъ тянется съ с.-з. на ю.-в. большой дугой, изогнутой къ с.-в. и открытой къ ю.-з., на протяженіи 160 геогр. м. Всѣми своими развѣтвленіями въ Моравин, Слезіи, Галичѣ, Буко^ввинѣ, Молдовлахіи и Угорщинѣ съ Семиградьемъ, Карпаты занимаютъ площадь свыше 4000 кв. геогр. миль“¹⁾.

Карпатская дуга соприкасается своими концами съ одной стороны съ отрогами Альповъ, а нѣсколько сѣвернѣе черезъ Ясеницкя горы она связывается съ Чехо-Моравской или Герцинской системой, съ другой стороны съ балканскими горами; а отроги Карпатъ на ю.-в. и с.-в. огибая съ обѣихъ сторонъ Припетскую впадину, приближаются своими крайними оконечностями къ русской центральной плоской возвышенности.

Несмотря на нѣкоторыя особенности отдѣльныхъ горныхъ цѣпей, Карпаты представляютъ одно цѣлое, а лишь по населяющимъ ихъ племенамъ ихъ дѣлятъ теперь обыкновенно на Словенскіе на западъ, Русскіе — въ центрѣ и румынскіе — на юго-востокъ.

Только Словенскіе Карпаты и сравнительно небольшая сѣв.-зап. часть русскихъ Карпатъ служатъ водораздѣломъ Балтійскаго и Черноморскаго бассейновъ. Вся остальная часть принадлежитъ всецѣло бассейну Черноморскому. Румынскіе притоки нижняго Дуная своими верховьями встрѣчаются съ верховьями лѣвыхъ притоковъ Тисы, съ ними же встрѣчаются далѣе притоки Серета, Прута, Днѣстра, а правые притоки верхней Вислы встрѣчаются съ правыми притоками Тисы и лѣвыми Дуная.

Если принять во вниманіе, что „въ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ по обоимъ склонамъ горъ близки другъ къ другу, тамъ и долины противоположныхъ притоковъ, подступаютъ одна къ другой и несмотря на значительную высоту горъ дѣлаютъ удобнымъ пе-

1) А. С. Будиловичъ, Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства. С.Пб. 1886; Шараневичъ, Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, Lemb. 1871; W Pol, Pólnocene stoki Karpat, Krak. 1851; Walery Elias,z, Ilustrowany przewodnik do Tatr' Pienin i Szczawnic.

реходъ черезъ Карпатскій хребетъ, вслѣдствіе чего способствовали издревле сообщенію и переселенію народа съ одной стороны горъ на другую“¹⁾, то уже вслѣдствіе этого врядъ ли можно предполагать разнородность этническаго состава въ древнѣйшее время. Присмотримся поближе къ Карпатамъ и прежде всего къ центральному или русскимъ и понынѣ на обоихъ склонахъ занятымъ русскимъ племенемъ.

„Русскіе Карпаты начинаются за Попрадомъ и Горнадомъ и тянутся на протяженіи около 60 миль на ю.-в. до Русскаго Верха (Вурвурессу) на буковинско-семиградской границѣ“ Западная ихъ часть составляетъ продолженіе Бескидовъ и сохраняетъ это названіе: „русскій бескидъ“; причеиъ часть отъ Попрада до истоковъ Латорицы и Стрыя называется Дѣломъ, т. е. водораздѣломъ, а южная часть, составляющая переходъ къ Семиградскимъ горамъ называется Черная гора или Высокій лѣсистый Бескидъ.— Проводя границу русскихъ Карпатъ для большей ясности по теченію рѣкъ, получимъ горное пространство между: Вишеевой, Тисой, Горнадомъ съ Торчей (Торицей) на югъ и западъ; на сѣверѣ горы спускаются къ вислинской долинѣ, а расположенная по с.-в. отрогамъ Галичина естественно сливается съ территоріей Волини и Подолья. Линія отъ верховья Вишеевы и Золотой Быстрицы (лѣв. прит. Серетской Быстрицы) до Молдавы съ Молдавицей составитъ южную границу русскихъ Карпатъ. Все это пространство перерѣзано притоками Тисы, которые въ своихъ верховьяхъ почти встрѣчается съ притоками Вислы, Днѣстра, Юрута и Серета.

Если присмотрѣться къ хоро-и топографической поменклатурѣ этой территоріи, то нельзя не замѣтить, что въ томъ и другомъ отношеніи она имѣетъ свои излюбленныя постоянно повторяющіяся названія. Сюда относятся:

Бѣлая, Бѣлка какъ самостоятельныя названія рѣкъ, такъ и въ качествѣ эпитетовъ: Бѣла правый притокъ верхняго Горна-

¹⁾ *Головацкій*, Пѣсни, 1, 572; *Шараневичъ*, Изслѣдованіе на поли Отечественной географіи и исторіи. Старинныя пути.... Сборникъ гал.-р. матицы, Львовъ, 1869.

да, Бяла притокъ Дунайца, Бѣлка притокъ Днѣстра, Бѣлая Тиса, Бѣлый Черемошъ.

Быстрица, Быстра: Золотая Быстрица лѣвый притокъ Быстрицы Серетской, двѣ Быстрыхъ — правые притоки Сучавы; далѣе на с.-з.: Быстрица Днѣстровская, сливающаяся изъ двухъ Быстриць; тутъ же Быстрица Ломницкая, вытекающая изъ горы Быстрой, тутъ же Быстра, верхній притокъ В. Ага; Быстрица другой притокъ Днѣстра, Быстра притокъ верхняго Горнада. По теченію всѣхъ этихъ Быстрыхъ и Быстриць встрѣчаются постоянно одноименныя поселенія; кромѣ того разбѣянные по всей территоріи и по теченію другихъ рѣкъ.

Но еще болѣе оригинальный и интересный характеръ сообщаетъ всему этому пространству то обстоятельство, что оно буквально усыяно названіями отъ корня: *рос*:

Рѣчка *Рося* (притокъ Воды—правый притокъ Вишеевы), вытекающая изъ горы Рося, недалеко къ сѣверу гора Русскій верхъ; рѣчка *Rusepai* (правый притокъ Вишеевы) на ней двѣ Рускавы и Русполвана, Кизенаи на Молдавѣ, Русь на Молдавиць; Русичка на рѣкѣ Самць къ югу отъ Проскурова, тутъ же Рузичанка, Росоша; Орось-Мота на Тарачѣ; Руска и двѣ Ростокі на Вичѣ. Сарошъ-Ороси (къ с. отъ Тиса-Уйлака); Русскій Путь въ горахъ; Русске на верховьяхъ Сана, Русска весь къ югу отъ Дубецка, Русске на верховьяхъ Широкой (л. притокъ Лаборца), недалеко отсюда Русскій Потокъ, Русске Волове, Русске Ма?... (не прочиталъ); Ороска на Лаборць (къ сѣв. отъ Старой); недалеко: Русинь; Русковце. Около Пряшева на Ториць Русска Ново весь, русь; около Кошиць: Русовикъ, Расановце; въ бодрогско-Горнадскихъ горахъ: *Göncz-Ruszka*, *Magyogoszka*. Въ долину между Тисой и горами: Оросъ, Мале-Русковце, Руска на югъ отъ *Galzecs*, Орос-Комороць около Середняго.

Все это конечно, не случайность и сообщаетъ территоріи своеобразный типичный характеръ.

Разсмотримъ теперь территорію словенскихъ горъ. — Татры съ Липтовскими горами и Магурой, откуда берутъ начало многочисленные рѣки и рѣчки, расходящіяся въ разныя стороны, служатъ какъ бы центромъ Быстриць и бѣлыхъ водъ: здѣсь берутъ

начало Бѣлый и Черный Вагъ, Бѣлый и Черный Дунаецъ, Бѣлая и Черная Орава; Быстра и Бѣла правые притоки верхняго Горнада, Быстра правый притокъ верхняго Грона, Бялка и Бяла притоки Дунайца и Попрада; Студенецъ съ Бѣлымъ потокомъ, притокъ Оравицы; Быстрица, второй правый притокъ Грона; Бѣла—притокъ Туроца. Далѣе Бѣлянка, правый притокъ Нитры. Моравы съ лѣва принимаетъ Быстрицу и Быстричку. Нечего и говорить, что на всѣхъ этихъ рѣчкахъ встрѣчаются одноименныя поселенія, которыя кромѣ того встрѣчаются въ безчисленномъ множествѣ рѣшительно по всему пространству, а особенно въ западной его части.

Также точно усѣяно это пространство названіями отъ корня *рус.*—*Sajo-Orosz, Rasony, Ruzita* (между Шаю и Горнадомъ), О-русинъ на Горнадѣ, *Kis-Oroszi* на Дунаѣ къ сѣв. отъ Вышеграда, *Kis - Oroszi* на Гронѣ, *Nem - Oroszi*, Росине около Вага, Русава лѣв. притокъ Моравы; Рожнява (Роснява?)

Наконецъ эти названія встрѣчаются и далѣе на западъ на правомъ берегу Моравы и даже Дуная: Оросваръ (Карлсбургъ); Руссъ правый притокъ нижней Моравы, на верховьяхъ ея *Gross-Russbach*.

Далѣе къ сѣверу: около Берна Моравскаго: Быстрица на Шварцавѣ, недалеко отъ нея Росице, Новый Русиновецъ къ югу отъ Вышкова, еще немного сѣвернѣе: Быстрица, около нея: Росоха, Росичка; около Своянова - Быстрада, къ югу отъ нея Росичка и Росецъ.

Сѣверо-восточный уголъ Румынскихъ горъ омывается Быстрицей (пр. прит. Серета) съ Золотой Быстрицей и Быстричорой на юго-западъ отъ Золотой Быстрицы вытекаетъ Быстрица (притокъ Шаю), наконецъ на югъ Быстра (съ двумя Быстрыми) прав. притокъ Темеша, Быстрица — прит. Шила и Быстрица—притокъ Олуты, (Только на двухъ послѣднихъ рѣчкахъ какъ будто незамѣтно названій одноименныхъ поселеній). Бѣлыхъ меньше: Бѣлый Черемошь, Бѣлая—лѣв. притокъ Большаго Кокеля, *Bilatesculi*, прав. притокъ Прута. Названіями Росъ наполнено все пространство; рѣчка Рося (на ней Роска) пр. притокъ Чернаго Кереша, въ томъ же направленіи къ югу рѣчка Рося правый притокъ

Мароша (на ней Рося). Въ прямомъ направленіи къ югу отъ нижней Быстры (лѣвый притокъ Темешск. Быстрицы) рѣчка Рося — правый притокъ верхняго Шила. Около Русской горы — Рускице далѣе къ югу Ruskberk. Лѣвый притокъ Большого Самоша—Orosz (на немъ А. Ф. Orosz falu). На лѣв. берегу Мароша, Orosz - Idecs, Görg - Oroszfalu, недалеко на вост. Orsova, далѣе къ востоку Orosz - buk, кромѣ того на Марошѣ: Ruzas, Oroszi. На Маломъ Кокелѣ: Rasmöd, Orosz-hegy. На Быстрицѣ-Руси; къ юго-зап. на Ташлеу: Orosamare, на Сановцѣ Русска, на Жижѣ Роса. Къ югу отъ нея около Прутца Rus, Ruska, на Путной Рустока. На Алутѣ Reusu, Мала-Росу. Къ с.-з. отъ Германштата Reussmarkt. На Стрѣль—Ruzestie, Rusow.

Еще южиѣ: по Амарадѣ, начиная съ верховьевъ: Рося, къ югу Рося, Reuzani, Rusuesi, Rostoka прит. Аржиса, на Аржисѣ Росу, къ западу: Руси - Луи - Асанѣ, а недалеко отъ Дуная Руснянка, Ruse-de-Vede.

Отмѣченный фактъ несомнѣнно знаменателенъ. Указанная повторяемость названій, связанныхъ съ корнями *Быстр*, *Бѣл* и особенно *Рус* ¹⁾, сообщаетъ всей карпатской территоріи своеобразный типичный характеръ, невольно бросающійся въ глаза даже при поверхностномъ разсматриваніи карты. Названія Orosz, Oroszi, встрѣчаются довольно часто и въ угорской равнинѣ, связывая её съ окружающими горами.

По всему пространству, т. е. и въ горахъ, и въ примыкающихъ къ нимъ долинахъ распространены названія: Тырнова, Сомборъ, Пряшевъ и особенно Галичъ ²⁾. Не случайно также и совпаденіе названій, Опатовецъ, Тучапы, Тлумачовъ, Судомѣрицы въ бас. Моравы, Тисы, Вислы.

¹⁾ Слѣдуетъ еще прибавить не менѣе характерныя названія, связанныя съ корнемъ *Тур*: Турка — л. пр. верхняго Прута, Турія и Турица — притоки Ужа, на нихъ: Турья Поляна, Турья Быстра, Великая Турица, Турья, Тарча (Торица?) пр. Горпада, Туръ и Тарачъ—притоки Тисы. — Топографическихъ названій очень много.

²⁾ Названія: Тырнова и Галичъ очень распространены; встрѣчаются и въ хороографіи.

Если прибавить сюда повторяемость рѣкъ: Лута (прит. Ужа), Луква (прит. Днѣстра), Лукавица (Сана), Лучка (Прута), Тысмана (Шила), Тысменица (Днѣстра), Тысменица (Вепря).

Гомородъ (Красной), Гомородъ великій и малый (Алуты), (не въ связи-ли съ этимъ названіемъ Амарадья?).

Солоная (Шаю—притоки: Тисы, Изы, Самоша, Реута),—то передъ нами обрисуется громадная территория, запечатлѣнная несомнѣнною однородностью хоро- и топографической номенклатуры.

Можно ли считать этотъ фактъ случайнымъ? Не указываетъ ли онъ на древнѣйшую этнографическую однородность Карпатской территоріи?

Заслуживаетъ особеннаго вниманія вотъ какое обстоятельство: 1) названія, связанныя напр. съ корнемъ: *тур* встрѣчаясь очень часто на Карпатской территоріи, встрѣчаются часто и на территоріи Днѣпровскаго бассейна, названіе Сереть (дунайскій и днѣстровскій) встрѣчается далѣе къ востоку въ формѣ Сарата (Прутская и Кундукская), названіе Солоная встрѣчается тоже на востокѣ (озеро Кундукъ иначе Соленое и рѣки Большая и Малая Сольча, Солонецъ, Соленая), рѣка Мертва (мадьяр. Моротва) имѣетъ на востокѣ подобоименныя: Мертвоводы (лѣв. прит. южнаго Буга, Смерть лѣв. прит. Припети). Многочисленныя на Карпатской территоріи Тырnavы встрѣчаются и на востокѣ. Все это, кажется, можетъ служить доказательствомъ этнографической однородности территоріи Карпатской съ территоріей южно-русской и припетско-днѣстровской.

2. Названіями отъ корня: *рус* усѣяна какъ мы видѣли вся Карпатская территорія. Эти названія идутъ съ юга черезъ Молдавію и Бессарабію и подходятъ къ лѣвому притоку Днѣстра — Русавѣ (на которой нѣсколько одноименныхъ поселеній) и далѣе на востокъ въ бассейнъ Роси съ ея подобоименными притоками; съ другой стороны они направляются къ верховьямъ Западнаго Буга и идутъ отсюда по возвышенности между бассейномъ Припети и Бобромъ до Роси нѣманской.

Ограничиваясь пока приведенными данными, позволяю себѣ высказать слѣдующее предположеніе: не заслуживаетъ ли точно-

го научнаго обследованія несомнѣнный фактъ повторяемости однихъ названій, особенно рѣкъ на извѣстной территоріи?

Отдѣльно, спорадически эти названія могутъ попадаться въ разныхъ мѣстахъ славянской и русской земли, указывая на исконное родство славянскихъ племенъ, но при чтеніи картъ невольно бросается въ глаза нѣкоторая систематичность—врядъ ли случайная — ихъ расположенія на извѣстномъ пространствѣ. Мнѣ думается, что въ этомъ обстоятельствѣ можно усматривать не мало-важный историко-этнографическій фактъ, который можно бы назвать *территориальнымъ типомъ* ¹⁾.

¹⁾ Обоснованіе этого важнаго историко-этнографическаго факта (первый намекъ на него можно усмотрѣть у *Надеждина*, Опытъ исторической географіи русскаго міра, Библ. для чтен., XXII) будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Пока ограничусь слѣдующимъ. Вся Карпатская территорія, со включеніемъ Моравіи, южной Чехіи и юго-западной Руси отличается замѣтно одинаковымъ характеромъ географической номенклатуры по сравненію съ великой ляшской низменностью (къ сѣверу отъ Пилицы) съ одной стороны и русской территоріей къ сѣверу отъ Припетской впадины (приблизительно отъ Западной Свислочи) съ другой. На замѣтную однородность топографіи Чехо-Моравской и Галицкой указаль уже *М. Колляръ*, въ сообщеніи на III Археологич. съѣздѣ. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ однородности номенклатуры Мазовской и поморской, напр. р. Вкра-вислинская и малогафская. (Нѣсколько интересныхъ данныхъ см. *Br. Chlebowski*, Początki Warszawy, Ateneum, 1892, VII). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что и территорія древнихъ Кривичей и Словенъ отличается также своеобразнымъ характеромъ номенклатуры. При чтеніи картъ это сразу бросается въ глаза. Такимъ образомъ можно бы, повидимому, установить три крупныхъ территориальныхъ типа: Карпатскій или, пожалуй, Карпато-дунайскій, Ляшскій и Кривицко-Словенскій. Но дѣло этимъ не исчерпывается. На этихъ крупныхъ по объему территоріяхъ можно уловить нѣкоторую систематичность распредѣленія отдѣльныхъ названій: Каменокъ, Кодымъ, Еланцевъ, Куяльниковъ, Ингуловъ (Ингуль, Ингулецъ, Ингульникъ), Березинъ, Свислочей, Уссь (или Ушей?), Оболей, Черныхъ. — Отъ вывода воздерживаюсь. Съ картами Кривицко-Словенской территоріи я ознакомился пока бѣгло, да и 10-верстная карта, которой я пользуюсь, собственно, недостаточна. Въ данномъ случаѣ я желалъ бы обратитъ

Въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ фактомъ географической номенклатуры, несомнѣнно указывающимъ на этнографическую однородность всей Карпатской территоріи, находится археологическій намекъ, который можно усматривать въ указаніи на распространеніе бронзовой культуры на востокъ до Зап. Буга, Смотрича и Днѣстра, причѣмъ однако бронзовые серпы типа, встрѣчающагося въ разныхъ мѣстахъ Россіи, встрѣчаются и въ Угрии, но не попадаютъ далѣе на западъ ¹⁾. Совершенно въ параллель съ указаннымъ фактомъ распространенія Карпатскихъ хорографическихъ названій на востокъ ²⁾.

вниманіе на этотъ фактъ, по моему, заслуживающій разсмотрѣнія. Думается, что при сопоставленіи его съ данными этнографіи и археологіи можетъ выясниться вопросъ о такъ называемыхъ „племенахъ“. Рѣшеніе этого вопроса у Барсова („Очерки“) при содѣйствіи подобоименности топографическихъ названій съ племенными, кажется мнѣ не особенно удачнымъ. Топографическія названія очень важны, но въ другомъ отношеніи, а именно: они легко поддаются распредѣленію по группамъ. Извѣстное процентное отношеніе этихъ группъ (названія патронимическія, отъ характера мѣстности, отъ занятій и проч. Весьма дѣльные замѣчанія объ этомъ см. у *Войцеховскаго*, *Слгобасуа*; у него же—примѣрное распредѣленіе названій Краковскаго уѣзда) въ разныхъ мѣстахъ различно, что, рядомъ съ хорографіей можетъ служить основаніемъ къ болѣе точному обозначенію территориальныхъ типовъ. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, что въ разработкѣ вопроса о такъ называемыхъ „племенахъ“ слѣдуетъ исходить не отъ лѣтописи (ибо оч. сомнительно, чтобы лѣтописныя названія обозначали славяно-русскія колѣна; сморѣе—это названія политическихъ союзовъ), а отъ данныхъ географической номенклатуры, этнографіи и археологіи. Къ сожалѣнію, положеніе русскаго ученаго, затрогивающаго эти вопросы, при отсутствіи сносныхъ указателей въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ и спискахъ населенныхъ мѣстъ — это даже не положеніе, а грусть одна.

¹⁾ Рефератъ проф. Антоновича и замѣчанія на него проф. Анучина. Протоколы IX Арх. сѣзда.

²⁾ Сюда же могутъ быть отнесены указанія на распространеніе въ предѣлахъ Россіи римскихъ мѣстъ см. *Д. Я. Самковскаго*, *Исторія русскаго права*, II, 120 слл. Думается, что указаніямъ на Карпатскій типъ не противорѣчитъ утвержденіе почтеннаго чешскаго археолога г. Пича о значеніи археологическаго Лужицкаго типа и Коркеношъ

Въ такомъ же соотвѣтствіи съ фактомъ номенклатуры и археологическими намеками находятся показанія историческія, указывающія на распространеніе русскаго имени въ Карпатской и Моравской территоріи въ отдаленной древности ¹⁾, а равно категорическое показаніе нашей лѣтописи о дунайской родинѣ русскихъ славянъ въ связи съ такимъ же показаніемъ другихъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ и общеславянской и въ частности русской памятью о Дунаѣ въ народной поэзіи ²⁾.

Укажу еще одно обстоятельство, имѣющее, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ связи Карпатской территоріи съ Кіевомъ. Имѣю въ виду извѣстное обращеніе Олега къ кіевскимъ князьямъ Оскольду и Диру: „яко гость есмь подугорскій, идемъ въ Греки отъ Олга князя и Игоря княжича да придѣте къ намъ, къ родомъ своимъ“ ³⁾. Какъ извѣстно это обращеніе въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ читается не такъ: какимъ гостемъ назвалъ себя Олегъ, не сказано, за то мѣсто, гдѣ онъ остановился названо Угорскимъ („и приплу подъ Угорское“).

Выраженіе „гость подугорскій“ казалось очень безсмысленнымъ Шлецеру („wie lächerlich!“) и его послѣдователю г. Н. Ламбину („нелѣпное чтеніе“).

(Исполиновыхъ горъ) въ славянской археологіи Archeol. Vyzkum, Praha 1893 ХСІІІ и сл.). Корконоши могутъ быть причислены къ Карпатскому типу: Быстрицы и Бѣлыя, особенно распространенныя въ с.-з. его части охватываютъ и Корконоши: Быстрица—л. пр. Одры, Быстрица и Бѣла—л. притоки Лабы (на с. Чехіи—между древними Дечанами и Гломачами). Но познанская территорія врядъ ли принадлежитъ сюда же: характеръ ея номенклатуры другой. (см. *A. Pawiński, Wielkopolska I*, перечень поселеній Познанск. воеводства).

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ были указаны выше; другія будутъ разсмотрѣны въ иномъ мѣстѣ.

²⁾ Pič, Archeol. vyzkum Úvod; Šembera, Západní Slovane, Vi-deň, 1868. Очень интересна статья *Муллемофа-Янча* Dunau, Dunav, Dunaj, Arch. f. Slav. Phil, I, между прочимъ по противорѣчіямъ, какія легко усмотрѣть въ самой основѣ статей обихъ знаменитыхъ ученыхъ.

³⁾ Воскр. Соф. Ник. Тв. Въ Новг. — что особенно характерно: „творящаяся подугорскими гостями“.

Мнѣ, признаюсь, оно кажется единственно возможнымъ. Но въ объясненіе такого мнѣнія я долженъ бы сдѣлать слишкомъ большое отступленіе въ сторону древней нашей лѣтописи, что въ настоящемъ наброскѣ было бы несомнѣно умѣстно. Ограничусь поэтому нѣсколькими положеніями.

1) Что Шлецероваго „истиннаго Нестора“ не было и быть не могло, это кажется теперь не требуетъ доказательствъ, такъ же точно какъ и то обстоятельство, что древнѣйшій лѣтописный сводъ исчезъ въ сводахъ позднѣйшихъ — по выраженію Забѣлина „въ своемъ племени, какъ исчезаетъ кровь родоначальника въ его потомкахъ“ и, слѣдовательно предпочтеніе, оказываемое однимъ спискамъ передъ другими врядъ ли можетъ быть оправдываемо существенными причинами. — Слѣды древнѣйшаго лѣтописнаго свода можно въ равной мѣрѣ усматривать во всѣхъ сохранившихся сводахъ¹⁾, но всего меньше въ сводахъ древнѣйшихъ списковъ Лавр.-Ипатскомъ по слѣдующимъ причинамъ.

а) Заглавіе обоихъ этихъ списковъ по сравненію съ главными обозначеніями двухъ важнѣйшихъ частей древнѣйшаго свода въ Софійской и Воскресенской 1) Повѣсть о русской з. 2) Временникъ—представляетъ параллель заглавію списковъ Новгородской редакціи, въ отличіе отъ единственнаго заглавія редакціи Никоновскаго списка.

б). Сопоставленіе содержанія древнѣйшей части лѣтописи въ Лавр. - Ипатской и Новгородской редакціи показываетъ, что оба эти заглавія какъ разъ не соотвѣтствуютъ содержанію²⁾.

в) Никоимъ образомъ нельзя предположить, что такое явное несоотвѣтствіе допущено составителемъ. Оно могло прои-

¹⁾ См. особенно богатая мысль замѣчанія *Срезневскаго* въ „Изслѣд. о лѣтоп. Новгор.“ Изв. 2 отд. Ак. И., II, 77.

²⁾ Новгородская должна бы разсказать: „како грады почаша быти: преже Новгородская волость, а потомъ Кіевская“, а начинается на самомъ дѣлѣ съ Кіева; Лавр.-Ип. наоборотъ—должна бы разсказать о Кіевѣ, а говорить о Новгородѣ, причѣмъ изъ событій Кіевскихъ въ лѣтописной части (до вокняженія Олега) этихъ, по заглавію, Кіевскихъ лѣтописей, упомянуть только одинъ — единственный фактъ: походъ Оскольда и Дира на Царьградъ.

зойти только при механическом переписывании но никакъ не при составлении.

г) Наконецъ, болѣе позднее происхождение текста въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ доказывается полнымъ отсутствиемъ въ древнѣйшей лѣтописной части кievскихъ извѣстій (упомянуть только походъ Оскольда и Дира на Царьградъ), находящихся въ Никоновской и запечатлѣнныхъ несомнѣнной современностью событіямъ.

Въ виду всего этого пропускъ выраженія въ спискахъ Лаврент. и Ипатскомъ: „гость есмь подугорскій“ еще не можетъ служить доказательствомъ его „нелѣпости“.

2) Сличеніе начальной части нашихъ лѣтописей по всѣмъ печатнымъ текстамъ даетъ основаніе полагать первую грань не тамъ, гдѣ ее обыкновенно полагаютъ на основаніи числоположеній Лавр. и Ипат. списковъ (на началѣ княженія Святослава), ибо ихъ числоположеніе вовсе не имѣетъ общаго значенія, а относится лишь къ спискамъ одной редакціи.

Скорѣе первую грань можно бы полагать на 940-хъ годахъ, гдѣ пронизательный Срезневскій отмѣтилъ прекращеніе грекоболгарскихъ извѣстій. Нельзя не прибавить, что съ 940-хъ годовъ совпадаетъ и общая лѣтописная сѣть главнѣйшихъ списковъ, и слѣдовательно начало княженія Святослава, какъ грань, совершенно отпадаетъ.

3) Сличеніе текста Никоновской лѣтописи съ Новгородской открываетъ еще болѣе интересное обстоятельство. Извѣстное соотвѣтствіе содержанія обоихъ текстовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, но врядъ ли какой нибудь одинъ текстъ находится въ зависимости отъ другого. (О борьбѣ Оскольда и Дира съ Древлянами и Уличами Никоновская не упоминаетъ). Слѣдовательно можно допускать существованіе третьяго текста, до насъ не дошедшаго, который, быть можетъ, и былъ первоначальнымъ, быть можетъ, всего лучше сохранился въ недошедшемъ до насъ началѣ Новгородской харатейной—„древнѣйшемъ памятникѣ нашего лѣтописанія“ и легъ въ основу какъ древнѣйшей Кіевской лѣтописи, сохранившейся въ Никоновскомъ спискѣ, такъ и воз-

можного сокращенія этого древнѣйшаго текста, сохранившагося въ спискѣ Археографической Комиссіи Новгородской лѣтописи.

Оба эти текста, сходные по содержанію, обнимаютъ одно время и прерываются на одномъ мѣстѣ: на извѣстїи о передвиженіи Угличей, при чемъ оканчиваются одинаковыми выраженїями: по семь („послѣди“ Ник.) скажемъ („въ приключавшихся лѣтѣхъ“ Новг.).

Наконецъ, въ обоихъ за этимъ слѣдуетъ одинаковый перерывъ около 30 лѣтъ.

Въ виду этого грань, указанную Срезневскимъ на 940-хъ годахъ, слѣдуетъ передвинуть къ первымъ годамъ второго десятка X в. Здѣсь надо думать, и оканчивалась древнѣйшая первая наша лѣтопись.

4) О характерѣ и содержаніи ея даютъ возможность судить указанные предполагаемые ея списки въ Никоновской и Новгородской, а еще болѣе включеніе болгарско-византійскихъ событїй, доказывающихъ несомнѣнно, что центръ тяжести содержанія этой древнѣйшей лѣтописи лежалъ на югѣ.

А если принять во вниманіе, что дошедшая до насъ форма лѣтописей представляетъ результатъ весьма сложнаго процесса (различнаго рода записи—краткія и болѣе подробныя, ихъ сводка съ другимъ вѣроятно годовымъ распредѣленіемъ, чѣмъ теперь; передѣлка годовой свѣти) то, кажется, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ во 1-хъ, что древнѣйшія наши записи должны быть отнесены ко времени гораздо болѣе древнему, чѣмъ это обыкновенно предполагается ¹⁾.

¹⁾ Эта мысль, впервые выраженная *Татищевымъ*, настойчиво высказывалось *Срезневскимъ*, („Изслѣдованїя“ и „Чтенїя“). Трудъ акад. *Бестужева-Рюмина*, составившїй эпоху въ изученїи нашего лѣтописанїя, прїурочилъ время составленїя Свода „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (названїе это до сихъ поръ употребляется у насъ не точно) къ XII в. И это несомнѣнно такъ, если имѣть въ виду тексты сводовъ, подлежавшихъ преимущественному вниманію автора изслѣдованїя „О составѣ русскихъ лѣтописей“. Но акад. Бестужевъ-Рюминъ не упустилъ изъ виду особенностей Кїевскихъ записей Ник. Списка, подробнѣе развилъ мысль Срезневскаго о возможности другого характе-

Во 2-хъ, Болгарско-византійскія записи древнѣйшей части лѣтописей показываютъ, что онѣ могли возникнуть въ обстановкѣ русской исторической жизни совсѣмъ другого рода, чѣмъ та, которую представляютъ намъ своды древнѣйшіе по времени, но не по тексту; что картина русской исторической жизни, рисуемая этими сводами, представляетъ не начало нашей исторіи, а начало конца перваго періода нашей исторической жизни.

Однимъ словомъ, я считаю возможнымъ предполагать, что въ неизвѣстныхъ намъ древнѣйшихъ записяхъ и въ несохранившемся древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, изъ котораго составлена первая часть Никоновской и Новгородской, связь Кіева съ Карпатско-Дунайской Русью могла выступать еще ярче, чѣмъ это даетъ основаніе предполагать сохранившееся въ главнѣйшихъ спискахъ хитрое обращеніе Олега къ Оскольду и Диру.

Выраженіе „гость есмь подугорскій“ должно было быть во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, ибо оно сохранилось во всѣхъ спискахъ кромѣ позднѣйшихъ по тексту, хотя и древнѣйшихъ (изъ дошедшихъ до насъ) по времени, да и въ этихъ спискахъ якобы болѣе точное обозначеніе мѣста остановки Олега („приплу подъ Угорское“) вмѣсто общаго „приде къ горамъ Кіевскимъ“ (сохраняемаго и въ Радз.), представляетъ если не искаженіе ставшаго непонятнымъ „гость подугорскій“, то во всякомъ случаѣ вставку болѣе позднюю, ибо само урочище кіевское во время катастрофы не называлась „Угорскимъ“¹⁾.

Смыслъ Олеговой хитрости объясняется существующимъ и

ра древнѣйшей лѣтописной сѣти. Эти плодотворныя мысли должны были подлежать дальнѣйшему обоснованію и развитію. Какъ мало, однако, подготовлена была наша наука къ воспріятію этихъ мыслей доказываютъ статьи Разсудова, Ламбина и Купника.

¹⁾ Это ясно доказываетъ выраженіе „еже ся нынѣ зоветь Угорское“. По замѣчанію Ламбина, „нынѣ“ въ лѣтописномъ употребленіи обозначаетъ то, что существовало во время писанія, но чего еще не было во время описываемаго факта. Что названіе — Угорское — не имѣло никакого отношенія къ Уграмъ, лучше всего показываютъ подобоименныя хоро- и топографическія названія: р. Угерка, Угрускъ и др. Ср. также *Д. И. Иловайскій*, *Исторія II*, пр. I.

понынѣ названіемъ части Карпатской территоріи. — Подгорье, — которое въ древности, быть можетъ, звучало какъ Подугорье. Теорія Угорско-Мадьярскаго происхожденія Оскольда и Диры высказанная Эверсомъ и по недоразумѣнію поддержанная Гедеоновымъ ¹⁾, конечно дика, но теорія подугорскаго, т. е. Карпато-русскаго происхожденія первыхъ несомнѣнныхъ русскихъ князей въ Кіевѣ, послѣ всего сказаннаго, врядъ ли можетъ быть серьезно оспариваема.

Я указалъ главнѣйшія данныя, относящіяся къ вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ. Въ окончательномъ выводѣ я считаю возможнымъ положительно утверждать, что нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь незначительный слѣдъ далекаго прошлаго. — Тѣмъ болѣе важенъ этотъ слѣдъ, тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ онъ со стороны нашей науки.

Только на Карпатахъ русская историческая наука можетъ найти твердую почву для объясненія началъ Кіевской государственности ²⁾.

¹⁾ Было бы в. интересно знать, остался ли Гедеоновъ при своемъ мнѣніи и въ рукописномъ изслѣдованіи объ Угорской Руси? Кстати замѣчу, что рукописные и слѣд. никому недоступные труды объ Угорской Руси Венелина и Гедеонова, по именамъ авторовъ и важности предмета заслуживали бы нѣсколько большаго вниманія со стороны нашей Академіи Наукъ, которая, кажется, могла бы имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи безъ особеннаго затрудненія. Обѣ рукописи должны быть хорошо извѣстны акад. Кунику. О трудѣ Венелина почтенный академикъ говоритъ слѣдующее: „Unter seinen Papieren befindet sich eine Abhandlung über das ungrische Russinenland, welche vielleicht das einzige Erträgliche sein wird, was er je geschrieben hat. Berufung 1, 172.—Рукописи Гедеонова разбиралъ тотъ же акад. Куникъ, Иконниковъ, Опытъ, 1329.

²⁾ Считаю не лишнимъ напомнить соображенія проф. Кочубинскаго. — „Если необходимо признать особенную фонетическую и формальную близость словацкаго нарѣчія чешскаго языка къ нарѣчіямъ русскаго языка, то справедливо видѣть въ рѣчи бѣдпныхъ обитателей Карпатъ звено, связующее языки крайнихъ славянъ запада и востока — Чеховъ и Русскихъ. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что современное словацкое нарѣчіе представляетъ въ извѣстномъ смы-

Всестороннее обследованіе древняго Кіевскаго періода до смерти Владиміра Святого можетъ дать, думается мнѣ, очень много прямыхъ историческихъ указаній, подтверждающихъ предлагаемую мною мысль. Вспомнимъ, что мы совсѣмъ не знаемъ, гдѣ пролегла русско-чешская граница свято-Владиміровой Руси, о которой вполне опредѣленно говорить лѣтопись.

На Карпатахъ русская историческая-наука имѣетъ трудныя, но широкія и благодарныя задачи. Если она желаетъ сохранить за собой честь и достоинство дѣйствительной науки, она должна пойти на встрѣчу этимъ задачамъ. 50 лѣтъ назадъ, пожалуй, можно было извинять въ научномъ изслѣдованіи такую впр. беззаботность, относительно Угорской Руси: „Da ich noch nicht annehmen kann, dass der östliche oder heutige russische Zweig der Slawenwelt vor dem Einfall der Ungarn in Pannonien wirklich bis an die Donau reichte, so erkläre ich mich auch entschieden gegen jene Ansicht, als seien einzelne sogenannte Russendörfer im Inneren Ungarns und Siebenbürgens slawische Oasen, deren Bevölkerung und Namen sich seit uralten Zeiten herschreiben. Um zu zeigen, *wie wenig ich von jenen Urrussen besorge*, will ich selbst noch näher darauf aufmerksam machen, dass in sehr vielen Strichen Ungarns und Siebenbürgens wirklich vereinzelt russische Ansiedlungen existirten, die aber zum Theil schon entrussirt sind oder in der Gegenwart immer mehr ihrer Magyarisirung oder Germanisirung entgegen gehen“. (Beruf. 1, 178). Въ чемъ эта „беззаботность“ можетъ найти себѣ извиненіе теперь? Въ настоящее время можно считать неподле-

слѣ собственно чешское нарѣчіе въ его древнѣйшей формѣ, XI—XIII в., то можно даже допустить, что чешско-словацко-русскій языкъ есть говоръ одной обширной народной семьи, члены которой связаны между собою болѣе тѣсными узами, чѣмъ кто либо изъ нихъ съ своими соплеменниками на сѣверъ и югъ“. Зап. Новор. Ун., XIII, 123. Тоже у Гедеонова: „безъ пособія чешскаго языка нельзя обойтись для уразумѣнія древне-русскихъ памятниковъ; древне-чешскіе памятники не требуютъ знанія русскаго языка (Вар и Р, 343). Уже въ 1834 объ этомъ догадывался Каченовскій. Теперь этихъ вопросовъ у насъ совсѣмъ не касаются. Почему?

жащимъ ни малѣйшему сомнѣнiю, что русское племя и русское имя явилось за Карпатами не съ XIV в. (съ Коріатовичемъ), не съ XII) в., какъ слѣдствіе бѣгства русскаго народа передъ Татарами, не одновременно съ появленіемъ Угровъ, а раньше, и слѣдовательно, если пребываніе Русскихъ на Карпатахъ и въ прилегающей къ нимъ Угорской равнинѣ не укладывается въ рамки существующихъ даже и теперь научныхъ взглядовъ¹⁾, то это доказываетъ только узость и искусственность этихъ рамокъ. — Повторяю: если наша наука желаетъ сохранить за собою честь и достоинство дѣйствительной науки, она должна не избѣгать связанныхъ съ Карпатами вопросовъ, а поставить ихъ на ближайшую очередь.

Только что приведенныя слова ак. Куника о мадьяризаціи, германизаціи и — прибавлю отъ себя полонизаціи и румынизаціи русскихъ на Карпатахъ²⁾ подводятъ насъ ко второму вопросу

¹⁾ Особенно яркимъ представителемъ ихъ является профессоръ А. Калина, *Studyja nad historyą języka bułgarskiego, Rozprawy wyd. filg., XIV—XV, Krak. 1891.*

²⁾ Эти факты политическаго характера имѣютъ важное значеніе и для науки вотъ въ какомъ отношеніи: рядомъ съ мадьяризаціей и румынизаціей, а отчасти и полонизаціей идетъ измѣненіе или прямая замѣна и номенклатуры, даже хорографической: Ясинье становится Körös-Mező, Червеница — Vörös-Vagar, Яблунь — Nagy-Almas, Дравцы — Daróch, Дубовинка — Tölgyes-falu, Хижа — Kis-Tarna, Подгорье — Varallya, Вороново — Varanó, Теребишово — Töke-Terebes. Нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣль Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ, я беру смѣлость рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угрии будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣетъ теперь Угорская равнина. Въ настоящее время насчитываютъ 400 словъ мадьярскихъ въ современномъ языкѣ угроруссовъ, причемъ 50 глаголовъ, заимствуются мадьярскіе суффиксы, прилагаемыя къ славянскимъ словамъ; перенимаются слова, первоначально принятыя Мадьярами отъ Славянъ, но уже, понятно, въ мадьярской формѣ. Такихъ словъ насчитываютъ 14. Наконецъ Русскіе начинаютъ пѣть переводныя мадьярскія пѣсни, причемъ нѣкоторыя мѣста сохраняются въ мадьярскомъ подлинникѣ Lad Csoreu, *Ungar. Revue 1881, 547*, Таковую пѣсню мнѣ дѣйствительно привелось слышать въ окрестностяхъ Мукачева. На угорскихъ на

исторической науки, связанному съ Угорской Русью: вопросу о передвиженіи народностей съ Карпатъ въ нынѣшнюю южную Русь. Этому вопросу я коснусь лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Сторонники мысли о такомъ передвиженіи — Погодинъ прежде, А. И. Соболевскій теперь—основываютъ её на данныхъ языка. Историкъ обязанъ принимать эти данныя къ свѣдѣнію; судить о ихъ дѣйствительномъ значеніи онъ въ большинствѣ случаевъ далеко не компетентенъ.

Что касается однако даннаго вопроса то историкъ можетъ сохранить здѣсь полную свободу и самостоятельность сужденія, такъ какъ мнѣніе проф. Соболевскаго въ извѣстной мѣрѣ парализуется противоположнымъ мнѣніемъ ак. Ягича.

Такимъ образомъ, до выясненія вопроса по даннымъ языка, историкъ можетъ свободно обсуждать вопросъ съ точки зрѣнія сообразности его съ наличными историческими фактами. Изъ историковъ проф. Соболевскому возражалъ В. Б. Антоновичъ, указавъ именно на то, что „теорія колонизаціи, какъ она указана на г. Соболевскимъ не оправдывается извѣстными фактами исторіи“¹⁾.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о вліяніи Татарскаго погрома на населенность ю.-з. Руси. Вопросъ этотъ выясняется въ наукѣ преимущественно въ томъ смыслѣ, что Татарщина не имѣла особеннаго значенія въ этомъ отношеніи.

Допустимъ, что это такъ. Исключается ли этимъ возможность колонизаціи на которую указываетъ проф. Соболевскій? По моему, нисколько. Исторія не можетъ опредѣлить момента передвиженія населенія съ Карпатъ въ ю.-з. Русь, но вѣдь такъ же точно исторія не можетъ опредѣлить момента русской колонизаціи сѣв.-вост. Руси. Тѣмъ не менѣе никому-изъ историковъ не придетъ въ голову отрицать ее. Передвиженіе русскаго населенія съ ю.-з. на сѣв.-вост. составляетъ фактъ, подтверждаемый

шихъ соотечественникахъ лежитъ обязанность сохранить славяно-русскія названія по крайней мѣрѣ въ записи. Больше ничего, при ихъ положеніи, требовать нельзя.

1) Чтенія въ Общ. Нестора, II, 217.

всѣмъ ходомъ русской исторической жизни, иначе говоря, фактъ несомнѣнный, но онъ не такого рода, чтобы его можно было приурочить къ извѣстному моменту.

Напомню кстати замѣчаніе К. Иречка по поводу не отмѣченнаго въ источникахъ времени заселенія Славянами балканскаго полуострова „Das sich über diese allmähliche Colonisation bei den Zeitgenossen keine Aufzeichnung vorfinden, kann nicht auffallen. Es zogen um eines ganz analogen Falles aus neuerer und neuester Zeit zu gedenken, im XVII Jahrhundert Hunderttausende von Serben aus Alt-Serbien am Amselfelde in den Banat und nach Süd-Russland, und in unserem Jahrhundert wanderten Hunderttausende von Bulgaren aus ihrer Heimath nach Serbien, in die Walachei, nach der Moldau, nach Bessarabien, ohne dass europäische Statistiker und Historiker genaue Aufzeichnungen darüber vorgenommen hätten ¹⁾).

Впрочемъ относительно занимающаго насъ вопроса есть нѣкоторыя указанія: русскія извѣстія упоминаютъ о прибытіи изъ Кіева въ Москву знатныхъ бояръ, какъ нпр. Радіонъ Нестеревичъ въ концѣ XIII—XIV в. Конечно, переливъ массъ естественно не могъ быть отмѣченъ тогдашними источниками, такъ какъ для нихъ это былъ фактъ весьма мало интересный да и вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ при этомъ что-то въ родѣ переселенія народовъ. Это былъ именно переливъ, постоянный, а потому и незамѣтный, а по крайней мѣрѣ не поражавшій. Длугошъ (подъ 1442 г.) указываетъ на бѣгство русскаго народа изъ Галиціи на востокъ къ Татарамъ.

Если ко всему этому принять во вниманіе оттѣсненіе Мадырами русскаго населенія съ нынѣшней угорской равнины, передвиженіе румынъ съ балканскаго полуострова и возникновеніе румынскихъ господарствъ на нижнемъ Дунаѣ и южныхъ склонахъ Карпатъ, то мнѣніе проф. Соболевскаго окажется заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія русскихъ историковъ.

Проф. И. Филевичъ.

¹⁾ C. J. Jireček, *Gesch. d. Bulgaren*, Prag, 1876, 80.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE	NRLF	
4		

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
 Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
 Books may be Renewed by calling 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

FORM NO. DD6

UNIVERSITY OF
BET

GAYLAMOUNT
PAMPHLET BINDER

Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C047137219

M303833

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

